

Так и было

Проект «Так и было» — взгляд «Фомы» на путь, пройденный страной, Церковью, каждым из нас с того момента, как начал издаваться журнал.

Оглянуться, чтобы отделить преходящее, которое когда-то казалось нам самым важным, от по-настоящему ценного, которое нередко мы считали второстепенным. Оглянуться назад, чтобы сориентироваться там, где мы находимся сейчас, и не ошибиться в выборе дороги, по которой последуем дальше.

19

99-И

▲ Президент РФ Борис Ельцин и Председатель Правительства РФ Владимир Путин.
Александр Сенцов, Александр Чумичев / ИТАР-ТАСС

▼ Кадр из фильма «Матрица», 1999

◀ Взрыв жилого дома на улице Гурьянова в Москве в результате теракта. 8 сентября 1999. Фото ИТАР-ТАСС

Чем запомнился ЭТОТ ГОД:

Вторая чеченская: страна в гексогеновой панике

С начала августа федеральные войска воюют в Дагестане. Вторгшиеся туда из Чечни отряды Шамиля Басаева и Хаттаба объявили о «восстановлении исламского государства Дагестан» и призвали к газзавату («священной войне»).

В сентябре Россию потрясает серия терактов: по ночам один за другим в разных городах начали взрываться многоэтажные дома: в Буйнакске — дом, в котором жили российские военные (погибли 64 человека); в Москве — дом на улице Гурьянова (92 погибших) и дом на Каширском шоссе (124 жертвы), в Волгодонске (19 погибших). Террористы арендовали подвалы под склады и закладывали взрывчатку так, чтобы снести несущие конструкции. Началась паника: люди стали самостоятельно заваривать входы в подвалы, а по ночам дежурить во дворах. Вокруг говорили только про гексоген — похожее на сахар взрывчатое вещество — и «чеченский след».

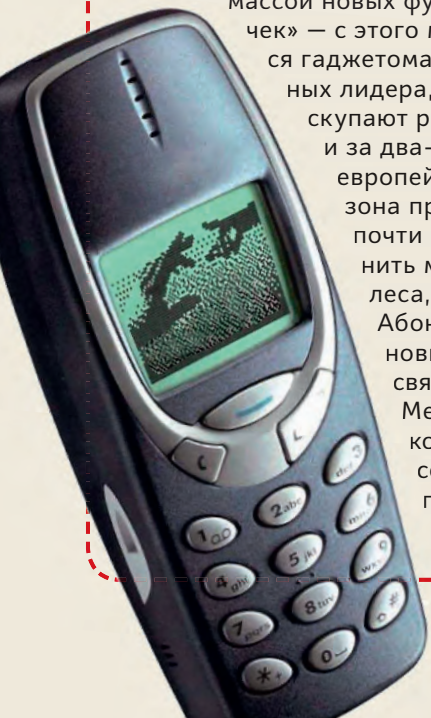
На взрывы домов российская армия ответила бомбардировкой военных лагерей и укреплений в Чечне. Границу с Чечней блокировали. С 23 сентября авиация бомбит Грозный и его окрестности, а 30-го в Чечню входят федераль-

ные бронетанковые части. 18 октября армия форсирует Терек. На сторону Москвы переходят полевые командиры братья Ямадаевы и муфтий Чечни Ахмад Кадыров — они сдают федералам второй город республики, Гудермес. Крупные потери российские войска несут только однажды — 17 ноября под Ведено гибнет разведгруппа 31-й бригады ВДВ. К декабрю занята вся равнинная Чечня, в горы ушло до 3000 боевиков. К Новому году осажден Грозный.

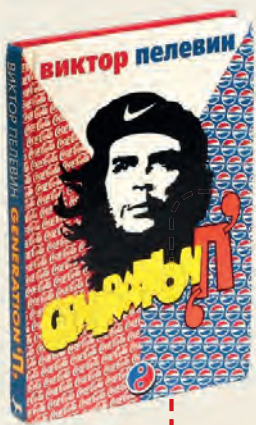
Добавьте смайлик: мобильные теперь не роскошь

Мобильные телефоны, поначалу стоившие как автомобиль, за 5 лет дешевеют в 40 раз. После кризиса 1998 года они становятся общедоступными, и мобильная связь полностью телефонизирует Россию. Сами телефоны уменьшаются в размерах и наполняются массой новых функций и «примочек» — с этого момента начинается гаджетомания. Два федеральных лидера, «Билайн» и МТС, скупают региональные сети, и за два-три года обжитую европейскую часть России зона приема покрывает почти целиком — звонить можно даже из леса, собирая грибы. Абоненты открывают новый вид мобильной связи — SMS (Short Message Service), короткие текстовые сообщения. Главный показатель настроения — смайлик.

К нему не зарастет: Пушкину исполняется 200 лет

Президент Ельцин объявляет 6 июня — день рождения главного русского поэта — официальным праздником. Празднование юбилея впервые проходит по правилам рекламной кампании: на одном телеканале лучшие люди страны строка за строкой читают «Евгения Онегина», на другом ведется обратный отсчет: «До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось ... дней». В Москве дом, где Пушкин родился, не сохранился, и центром праздника выбрана церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, где поэт венчался.

«Generation П»

Опубликован культовый роман Виктора Пелевина «Generation П», показывающий как чисто материальные интересы постепенно превращаются в настоящий сатанинский культ.

Опасный прецедент в Европе: НАТО бомбит Югославию

24 марта НАТО, считая Сербию главной виновницей гражданской войны в Югославии, начала против нее военные действия, проигнорировав заступничество России. В ответ российский премьер-министр Евгений Примаков отменяет свой визит в Вашингтон — в ночь с 23 на 24 марта, уже летя над Атлантическим океаном, он велит развернуть самолет: вице-президент Альберт Гор в телефонном разговоре не смог гарантировать ему, что война не начнется во

время визита. После первых ракетно-бомбовых ударов толпы людей забрасывают американское посольство в Москве яйцами и банками с краской. А силы НАТО тем временем уничтожают сербскую военную инфраструктуру и большую часть промышленных объектов. Президент Югославии Милошевич соглашается на ввод миротворцев — включая россиян — в Косово. Российские «голубые каски» срываются со своих позиций в Боснии и Герцеговине и, преодолев марш-броском более 400 километров, раньше войск НАТО занимают аэродром в Приштине. В тот же день на территорию Сербии вводят сухопутные войска НАТО.

«Берегите Россию!»:

Ельцин пост сдал, Путин пост принял

Для слабеющего президента Ельцина сильный и самостоятельный премьер-министр Примаков становится нежелателен. 5 мая на заседании оргкомитета по встрече 3-го тысячелетия президент недовольно бурчит: «Не так сели» (фраза становится мемом), и кандидат в премьеры Сергей Степашин пересаживается к нему поближе. Утром 12 мая Ельцин объявляет Примакову об отставке и Степашину о назначении. Его три месяца считают преемником Ельцина, но уже 9 августа и. о. премьера назначен Владимир Путин. И в тот же день Ельцин называет его своим преемником. А 16 августа его утверждает Дума. Вновь назначенный премьер вскоре формулирует положения своей предвыборной кампании (программы?), в том числе обещание «преследовать террористов везде». В обстановке тех дней задача представляется сверхсложной, но за словами нового преемника уже ясно ощущается порядком подзабытая к тому времени твердость.

31 декабря в полдень по московскому времени 1-й федеральный телеканал передает заявление Ельцина о досрочной отставке: «Я ухожу... Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись». Исполнение полномочий президента возложено на Владимира Путина. По телевизору вся страна видит, как и. о. президента приходит в свой новый кабинет, Ельцин встречает его уже в пальто. Приглашенный в Кремль Патриарх Алексей II благословляет передачу власти. Путин провожает Ельцина до машины, и тот, сказав напоследок «Берегите Россию!», уезжает.

LIVEJOURNAL

«ЖЖ»

15 апреля зарегистрирован сайт livejournal.com («Живой журнал»).

Уходят из жизни

Стэнли Кубрик,
американский
кинорежиссер.

Александр Демьяненко,
актер театра и кино,
исполнитель роли студента Шурика
в комедиях Леонида Гайдая.

Раиса Горбачева,
супруга первого
и последнего
президента СССР
Михаила Горбачева.

Дмитрий Лихачев,
филолог,
академик,
общественный
деятель.

Подготовила
Марина Борисова

**«Обнуление»:
мир пугается нового года**

Весь мир завораживает приближение XXI века. Но многих это «обнуление» пугает — им кажется, что «зеро» сулит конец света или всемирный компьютерный сбой. Когда полвека назад создавали первые компьютеры, в их программы отсчета годов закладывали только две последние цифры, а первые — 19 — посчитали неизменными. И теперь главной «страшилкой» года становится ожидание, что компьютеры, обслуживающие всё — от домашнего хозяйства до ядерных технологий, — с наступлением 2000-го прочтут его как 1900-й (про этот казус сообразили только года за два до «часа икс»). Этот сбой может грозить обвалом всех диспетчерских и регулирующих систем на транспорте, в платежных сетях, на оборонных объектах — сценарии обсуждаются самые ужасные: катастрофы, финансовый коллапс, чуть ли не мировая война.

**Голос Церкви:
как остановить разделение мира?**

Виюне в «Независимой газете» выходит статья Патриарха Алексия II «Мир на перепутье. Глобальные общественные процессы перед лицом новых нравственных вызовов». В частности, он пишет:

«Не раз и не два люди пытались начать жить без Бога, поставив свой разум превыше воли Творца. Точно так же и сегодня, за многими конфликтами экономического, политического, даже военного характера стоит и будет стоять отсутствие взаимопонимания между носителями рационального и религиозного взгляда на мир и человека, на ход и смысл земной истории, а также на ту реальность, которая шире и выше ее. <...> Есть ли выход из сложившегося положения? <...> В качестве основы для примирения духовно ориентированные люди вправе ожидать по крайней мере отказа рационалистического человекобожия от монополии на истину. <...> Одновременно религиозным силам предстоит более ясно, чем сегодня, начертать ту тонкую грань, которая разде-

ляет, с одной стороны, право человека свободно определять свой жизненный путь, обладая богоданной свободой выбора между добром и злом, и — с другой стороны — право общества, нации, всечеловеческой семьи многообразными способами активно поддерживать то, что естественная и религиозная мораль считает благом, одновременно отказывая в поддержке тем явлениям, которые традиционно считаются деструктивными. Именно такой путь может получить одобрение большинства населения Земли и вернуть гармонию в глобальные общественные процессы. Иные способы разрешения проблемы, практикуемые сегодня в мире, видятся достаточно бесплодными. <...> Не первое десятилетие общины верующих во многих странах вынужденно стремятся приспособиться к реалиям обезбоженной среды, причем такое приспособление мотивируется не следованием воле Бога, а аргументами сугубо человеческого плана, укорененными вне религиозной истины. Результатом является охлаждение религиозности

и усиление крайних псевдодуховных движений, пытающихся найти ответ на секуляризацию в агрессивных формах протеста. <...> Итак, мы убеждены, <...> человеческий разум может лишь усугубить духовно-нравственный кризис цивилизации. Принятие равнозначности гуманистической и теоцентричной картин мира, их одинакового права влиять на происходящее в мире создаст условия для преодоления путем диалога и согласия многих нынешних разделений, от которых страдают как отдельные страны и народы, так и взаимоотношения между ними».

«Независимая газета»,
11.06.1999

О чем писал «Фома»

«Фома» № 2 (8)
за 1999 год

Людмила Иванова

Искупление

Я помню день, когда от нас ушел отец. На улице стояла рыжая осень, и дождь стучал в серые стекла окон. Было утро. Отец, одетый в пальто, присел на край моей постели и положил шапку на колени. Я помню его нежные слабые пальцы, никогда не знавшие настоящей мужской работы. Они долго гладят мое сонное лицо и клонящуюся к подушке голову. Потом отец тихо говорит мне: — Я ухожу, девочка...

Что-то непривычно тоскливое было в этой обычной для утра фразе, и я, прижавшись к жестким складкам его пальто, пропитанного устоявшимся домашним теплом, заплакала.

Потом никогда в жизни я так и не спросила свою быстро постаревшую маму, почему от нас ушел отец. Сначала я была слишком мала для этого, потом слишком выросла.

Отец часто навещал меня, и каждый раз, когда, уходя, он закрывал за собой дверь, робкая надежда, что, может быть, именно сейчас он останется с нами навсегда, покидала меня, и соленые капли слез ползли по моим разгоревшимся за вечер щекам.

Отец хорошо рисовал. Сидя на его коленях, я подолгу зачарованно смотрела на неторопливо движущийся по бумаге карандаш.

— Что это? — спрашивал отец, одним легким движением вырисовывая идеальный круг.

Я заглядывала в его серьезные глаза, хранящие этот маленький секрет, и нетерпеливо пожимала плечами. Еще одно движение карандаша, и круг превращается в пузатый чайник, но пока еще без носика и привычно венчающей его крышки.

— Чайник — твердо говорю я.

Карандаш продолжает свое неторопливое движение, и вот с листа бумаги на меня уже смотрит хитро сощуренным глазом ушастый толстощекий человечек, на идеально круглой голове которого весело ершатся короткие волосы.

В эти вечера мама куда-то бесследно исчезала, оставив на столе горячий чайник. Мы пили с отцом чай из самых красивых чашек, которые она перед своим уходом незаметно выставляла на стол, с непременно пирожными, принесенными отцом в плетеной корзиночке.

В теплые дни лета мы иногда ездили с отцом в парк и там, словно сговорившись, торопливо проходили мимо шумных площадок с аттракционами в безлюдные, затененные аллеи, где мы были снова вдвоем и снова счастливы.

Но однажды против обыкновения отец усадил меня на зеленую парковую скамью против шумного фонтана, окруженного толпой гуляющих. Он волновался, часто доставал из кармана расческу и непривычным для меня движением проводил по волосам. Он кого-то ждал. Его волнение передалось мне. Замерев, я тревожно вглядывалась в движущуюся мимо толпу. Женщина, остановившаяся перед нами, была ослепительно красива: яркие желтые волосы в пушистых мягких кольцах и синие глаза в прищуре невероятно черных ресниц.

— Ну что ж, давай знакомиться. Такая большая девочка, такая милая, — женщина треплет меня по щеке, близко-близко к моему лицу приближая свои синие глаза, и щекочет мне шею острыми, скребущими кожу ногтями. — Пойдешь к тете в гости? — Я, не отрываясь, смотрю в ее лицо и туповато молчу. — Хочешь, тетя покатает тебя на карусели?

Мне все равно сейчас, и, повинувшись ее руке, неожиданно оказавшейся жесткой, я шагаю к скрипучей карусели, где на облупленных слонах и верблюдах притихшие дети, провожаемые сияющими глазами мам и пап, плавно движутся по бесконечному кругу счастья. Я прищипываю массивные бока одинокого грустного слона и каждый раз, проплывая мимо низенькой калитки, за которой стоит мой папа, ищу его взгляд.

Потом, когда мы долго ходим по бесконечным асфальтовым аллеям, плотно набитым куда-то несущейся, хохочущей и постоянно что-то жующей толпой, я осторожно вкладываю руку в изящную маленькую руку отца, на мизинце которой им любовно выхолен длинный острый ноготь, с удивлением и удовольствием рассматриваемый мною при каждой нашей встрече. Но рука отца не отвечает мне, его пальцы холодны и безразличны, как и он сам, как несущаяся мимо толпа, как и весь этот мир, внезапно потерявший свою ослепительную солнечную яркость.

Неожиданно обрушившаяся на нас война выдавила из обычно сухих глаз моей мамы долго сдерживаемый горячий поток слез, обильно пролившийся на мою глупую, ничего не смыслящую голову, в которой страшное слово «война» вызвало лишь романтические мысли о будущих героических подвигах и победах. В первые же месяцы войны отец ушел в народное ополчение, и от него ко мне стали приходить письма-треугольники. Он был далеко от фронта, далеко от подвигов и пытался научиться непривычному для него делу — держать ружье в своих слабых неумелых руках.

Отца ранило где-то в середине войны. Он долго кочевал из госпиталя в госпиталь и совсем перестал слать мне короткие, по-взрослому серьезные письма, а потом вдруг неожиданно

вырос на пороге нашей комнаты в длинной до пят шинели, пустой рукав которой, как страшная отгадка его продолжительного молчания, был аккуратно заправлен под широкий солдатский ремень. Мы долго стояли в дверях, прижав друг к другу предательски мокрые щеки. Потом отец, отстранившись, с удивлением оглядел меня.

— Девочка, да ты уже догоняешь меня!

Я, как никогда, радовалась приходу отца. Сдвинув учебники в сторону, я выставила на освободившийся край стола довоенные праздничные чашки, бережно хранимые мамой в дальнем углу буфета. Поворачивая чашку в непривычно одинокой руке, отец долго рассматривал пестрый букетик полевых цветов, словно случайно брошенный на ее тонкий фарфоровый бок.

— Вещи хранят верность, — наконец сказал отец, ставя чашку на стол.

— Как это? — спросила я, продолжая свои радостные хлопоты. — Объясни.

— Это нельзя объяснить. Это можно понять. Через годы.

Я стала часто бывать у отца в его маленькой полумрачной комнатенке с крохотным оконцем, упирающимся в огромный, непроницаемо-густой для света, разросшийся куст сирени.

— Пап, — сказала я однажды, — давай его обломаем.

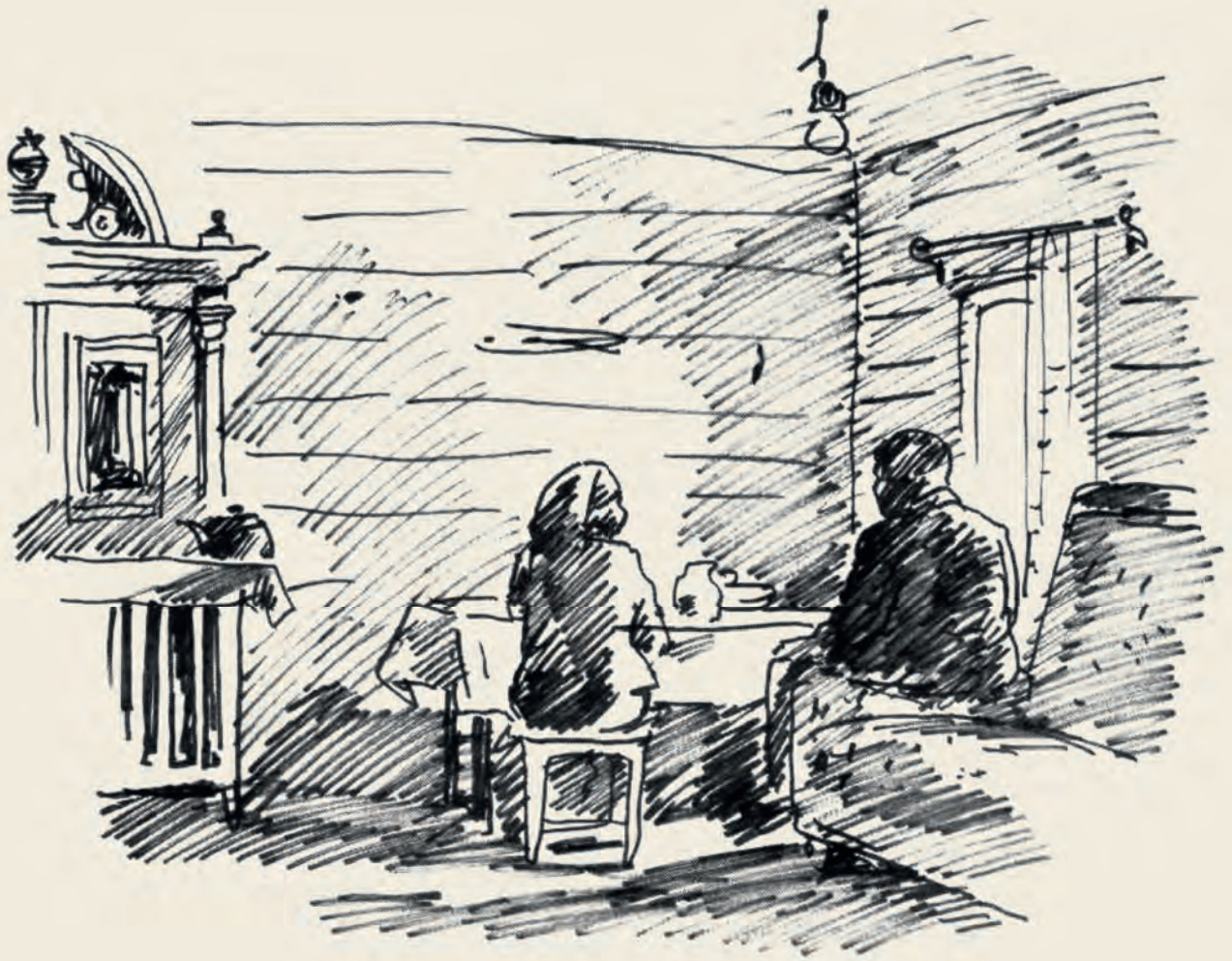
Он непривычно сердито замахал на меня рукой, а потом растворил окно прямо в гущу приветливо закивавших ему глянцевых листьев.

— Глупая ты девочка! Ведь он каждую весну цветет!

Ослепительно красивая женщина навсегда ушла из его жизни, и он остался в своей холодной комнате одиноким и заброшенным. Первое время после своего возвращения он подолгу лежал на черном клеенчатом диване, прикрывшись шинелью и повернув к стене обросшее щетиной лицо. И мне казалось тогда, что в комнате помимо запаха сырости присутствует едва уловимый водочный запах.

Отец оживал с моим приходом. Пристроившись возле стола, разводил в алюминиевом тазике весело лопающуюся мыльную пену, пузырьки которой отливали всеми цветами радуги, и старательно намыливал щеки. Постепенно все входило в норму. Отец снова начал преподавать в техникуме, что он и делал до войны. И собираясь на первое занятие, он надел свой старый довоенный костюм, пустой рукав которого он после короткого раздумья прищипил английской булавкой к подкладке кармана.

Мама знала, куда я иногда ухожу по вечерам. Сняв со сковороды пару тяжелых, обжигающих пальцы оладьев, она заворачивала их в газетный лист и передавала мне. И каждый раз, будто догадываясь об этом, отец, развернув промасленный газетный сверток, грустнел и подолгу в задумчивости стоял над расставленными на столе чашками. Где-то там, за пределами сырой полумрачной комнаты он жил жизнью человека, влюбленного в свою профессию. Временами он безобидно посмеивался над своими круглолобыми ершистыми учениками, с ученической

туповатостью записывающими в свои тетради скучные для них формулы и математические уравнения, которые отец считал строками бесконечно прекрасной поэмы. И когда, оживившись со звонком, они разбегались по коридорам техникума, он неловко натягивал на располневшую за последние годы фигуру обтрепанное пальцецо и тяжелой походкой стареющего человека, не спеша, шел навстречу своим одиноким вечерам.

Отец любил особенно зимой сидеть перед печкой, в которой весело трещат охваченные огнем дрова. В такие вечера, воодушевляясь, я подолгу рассказывала ему о своих школьных, а потом и студенческих делах. Он внимательно слушал меня, постукивая коротенькой кочергой по красным, брызжущим огненными искрами углям.

Но со своей первой и трудной любовью я пришла к маме. В тот вечер, когда неожиданно рухнул мой обманчиво-иллюзорный мир робких надежд, и жизнь показалась мне более ненужной, я, не помня себя, до ночи бродила по странно незнакомым, словно бы чужим улицам города под безостановочным проливным дождем. Когда я открыла дверь нашей комнаты, мама сидела у стола с неживым окаменевшим лицом. Увидев меня, она закричала и кинулась ко мне. Будто не веря своим глазам, всматривалась она в мое лицо, шепча что-то белыми, как полотно, губами. Потом мы целый вечер просидели, тесно прижавшись друг к другу, и я рассказала ей наконец о своей так несчастливо начавшейся и теперь оборвавшейся любви. Она слушала, стирая ладонью с моих щек слезы, сразу ставшие легкими.

Отец умер внезапно после непродолжительной болезни на моих руках. Начиналась ранняя весна. Даже в сумрачной отцовской комнате

стало светлее и радостнее. Куст сирени за окном раскачивал своими ветвями, униженными сверкающими каплями растаявшего снега. Болезнь лишила отца движения и речи. И он тянулся к окну немым тоскливым взглядом.

Перед смертью отцу стало легче. Я выжала в стакан апельсин и поила отца из чайной ложечки густым оранжевым соком. Отец казался мне взрослым ребенком. Вечером в сонной тишине комнаты он позвал меня неожиданно дрогнувшим ртом.

— Прости меня, девочка, не сумел... — проговорил он, с трудом перемещая окаменевший язык, — не сумел... искупить... свою вину.

Отец жадно захватил воздуха, голова его тяжело осела в подушках, и веки в синих прожилках навсегда закрыли его глаза.

Потом в ящике письменного стола рядом с двумя солдатскими медалями, завернутыми в пожелтевшую от времени газету, я нашла связку писем, аккуратно перетянутую суровой ниткой. Половина из них была написана мной. Это были и мои давние письма с пузатыми детскими буквами и грустными орфографическими ошибками, и более поздние студенческие письма с рядами прямостоящих взрослых букв.

Другая половина была написана стремительным почерком моей мамы. Я отложила их в сторону и только вытянула из пачки за случайно высунувшийся обтрепанный уголок незнакомую мне фотографию. Совсем молодая мама поправляет волосы, забранные в модный для того времени, уложенный вокруг головы валик, и смеется, полная радостного ожидания СЧАСТЬЯ. **ф.**

Рисунки **Михаила Бурзалова**